

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОРНЕВЫХ ГНЕЗД В ТУРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

При анализе тюркско-монгольских языковых взаимоотношений в сущности исходят из двух положений. Суть первого положения заключается в том, что огромное материальное сходство тюркских и монгольских языков обусловлено первоначальным генетическим родством и последующей их дивергенцией. Его сторонниками являются ученые так называемого ортодоксального направления /Рамстедт, Владимирцов, Баскаков, Бертагеев и др./. Суть второго положения состоит в том, что развитие алтайских языков шло в направлении от типологического /аналогического/ к органическому /гомологическому/ родству. Его приверженцами являются ученые так называемого неосалтаистического направления /Котвич, Дерффер, Клоусон, Шербак и др./. Отсюда вытекают и два взгляда на тюркско-монгольские межязыковые сходства. Если сторонники первого направления основное внимание уделяют тюркско-монгольским соответствиям /фонетическим, морфологическим и лексическим/, то приверженцы второго направления акцентируют свое внимание на проблеме межязыковых заимствований. При этом каждая из сторон имеет веские аргументы и серьезные основания.

Так, в "Исследованиях по алтайским языкам" В.Котвич вынужден был признать, что общий фонд сходжений между монгольскими и тюркскими языками равен в морфологии около 50 процентам /т.е. в самой устойчивой сфере языка/, в лексике - 25 процентам.¹

"Более высокий процент морфологических сходжений между монгольскими и тюркскими языками, составляющих половину всех грамматических форм и явлений, и меньший процент лексических сходжений уже убедительно доказывает близость этих языков, причем близость, характеризующую генетическое единство, т.к. наиболее проницаемым уровнем во взаимодействии языков является не морфология, а лексика", - пишет по этому поводу Н.А. Баскаков.²

Все это побуждает искать истоки не только сходства, но и расхождений тюркских и монгольских языков.

В отличие от В.И.Рассадина,³ который стремится выделить в алтайских языках все взаимные заимствования и, сняв слой безусловных заимствований, вести анализ на уровне праформ в составе общего слоя, мы пытаемся уже сейчас нащупать следы таинственных праформ, послуживших истоком современных лексических соответствий тюркских и монгольских языков и алтайско-монгольских — в частности.

Метод вышеназванного автора надежен лишь отчасти, т.к. мы сможем выявить заимствования, относящиеся к сравнительно недавнему прошлому, т.е. проникнуть не далее VII века нашей эры, которым датируются самые древние тюркские памятники. Вместе с тем необходимо учитывать и то, что язык этих памятников также не будет свободным от древнейших заимствований. Здесь-то, как заметил Э.В.Севортян, мы и подойдем к одному мучительному вопросу: кто же у кого заимствовал? /ЭСТЯ, 45/. Даже при беглом взгляде на лексику древнетюркских памятников, можно определить, что отраженный в них язык имел различные диалекты. Как возникли эти различия? К чему привели их различия? Какво отношение древних тюркских диалектов к другим алтайским языкам? Вот, пожалуй, основные вопросы, на которые нам придется ответить, чтобы подтвердить или опровергнуть алтайскую гипотезу. Кроме того, надо учитывать, что и другие алтайские языки не были лишены диалектных различий. Так, Л. Лигети в рецензии на книгу Г.Д.Санжеева "Сравнительная грамматика монгольских языков" выделил три источника монгольских языков: киданьский или юго-восточный ареал древних монгольских племен, тогонский /хоры/ или юго-западный ареал и северо-восточный ареал цзубу или татар.⁴ Викторова же, развивая идеи Л. Лигети, наметила четвертый центр монгольских языков — ареал каракытаев⁵ /или найменов, по Гумилеву, обитавших на северо-западе Центральной Азии⁶/.

В такой сложной обстановке язык древнетюркских памятников вряд ли может служить достаточным критерием при выявлении заимствований из древнемонгольских диалектов. Если же ко все-

му сказанному добавить, что организатором первого тюркского каганата — т.к.к. был род А-Шина, что Гумилевым переводится как "благородный волк" посредством монгольского шино/чино/"волк", и китайского А "благородный", то вероятность наличия монголизмов в языке древних тюрков еще более увеличится.

Поиск и вычленение заимствований необходим, но это не приблизит нас к решению поставленных вопросов. Только поиск путей и средств формирования корневых гнезд в тюркских и монгольских языках, на наш взгляд, приблизит нас к пониманию процесса образования не только тюркских и монгольских древних диалектов, но и различных групп алтайской семьи языков. Разрешение же проблемы межязыковых заимствований позволит лишь более полно осветить основной вопрос: как образовались языковые различия?

Проблема формирования корней в тюркских и монгольских языках почти всегда была в центре внимания исследователей алтайского языкознания, ибо установление фонетико-семантической соотносительности основного словарного фонда сравниваемых языков было важнейшим критерием определения их генетических взаимоотношений.⁷ Однако более пристальное внимание к данной проблеме наблюдается только в последние годы, когда ранее накопленные знания позволяли проникать в глубинные процессы развития и видоизменения корней во времени и в пространстве. Наиболее ценной из работ в этой области последнего времени надо признать "Историко-типологическую морфологию тюркских языков" Н.А.Баскакова, который на материале древних и современных тюркских языков убедительно показал, что "процессы развития и видоизменение корневой морфемы и определение современной их структуры обусловлены тремя факторами: а/семантическим, т.е. появлением множества побочных, переносных значений, которые служат основанием образования самостоятельных корневых морфем; б/фонетическим, т.е. видоизменением фонетического состава корневой морфемы по закономерным соответствиям, которые также стимулируют образование новых корней; в/"морфологическим, т.е. фюзией или слиянием двух корневых морфем или корневой морфемы с аффиксаль-

ним, при котором редуцируются и выпадают составляющие основную корневую морфему гласные и согласные, замещаясь другими звуками, и новая корневая морфема приобретает другой фонетический облик и другое лексическое значение".⁸ Ценность вышеназванной работы заключается в том, что ее основные выводы и выявленные закономерности применимы и к монгольским языкам. Более того, она в определенной степени объясняет и тюркско-монгольские межязыковые взаимоотношения.

Так, при анализе алтайско-/ойротско-/монгольских лексических соответствий нами обнаружено четыре вида слов.

1. Полностью совпадающие, т.е. слова, одинаковые по семантике и фонетическому облику, например, алт. ав "медведь" - калм. ав "медведь", алт. алтин "золото, золотой" - монг. алтан "золото, золотой", алт. амтан "вкус" - п.-монг. амтан "вкус", алт. боро "серый" - п.-монг. боро "серый", алт. бар "тигр, рысь" - калм. бар "тигр". Таких слов сравнительно мало. По нашим данным, их насчитывается около ста двадцати. При этом среди них выделяются такие слова, которые легко отнести к "тюркизмам", например, ав "медведь", или к "монголизмам", например, боро "серый", а также к общему праязыку, например, алтан "золото, золотой". Но встречаются и такие слова, как бар "тигр, рысь", которые в других языках, /тюркских и монгольских/ функционируют в форме "баро, тигр", кроме калмыцкого и монгольского, где в первом оно сохранилось в виде "бар", употребляясь наряду с формой "барс", а во втором - "бар" только в одном диалекте минхе, употребляясь наряду с "бас". Кстати, форма бас-басы встречается также в дунсянском и баоаньском. Слово "бар" можно отнести к разряду "монголизмов" в алтайском, если не брать во внимание момент самостоятельного развития.

2. Совпадающие частично, т.е. слова, совпадающие фонетически, но различающиеся несколько в семантическом наполнении, например, алт. бут "нога" - калм. бут "куст, букет", алт. маани "знамя" - калм. маани "флаг, флажок, вымпел, талесман", алт. тас "лысына, лысый, голый" - калм. тас "совсем, совершенно", которое можно возвести к тюркскому тас-

таш "камень", т.е. "голый, без растительности, как камень". Значение "голый, пустой" просматривается в калмыцком таоли "отрывать, рвать, прерывать, прекращать, разделять". Однако здесь, видимо, произошла контаминация значений "тянуть" /та-ти из тарты/ и "быть голым, пустым" /тао/.

3. Слова, совпадающие в своем главном значении, но различающиеся по фонетическому облику, например, алт. кем "порок, вред" - калм. гем "болезнь, вина", алт. багана "столб" - калм. бахны "столб", алт. кок "перша" - калм. хог "перхоть", хог "мусор, остаток", алт. коп "клевета" - калм. ховы "донос, клевета", алт. колко "глотка" - калм. холха "глотка, кишка".

4. Слова, разошедшиеся как по семантике, так и по фонетическому оформлению, например, алт. ахит "прапятствие" монг. ахил "труд, работа", алт. аза "демон, злой дух" - калм. ады "злой дух" /ср. калм. ады "буйный, злой, бешенный"/, алт. адак "дед, последний, меньший" - калм. эчке "отец" /из эчике/, калм. адуг "конец, последний", калм. учиг "конец, обрывок нитки" бучи-г "шнур". Чаще всего слова данной группы представляют собой звенья закономерного фонетико-семантического развития одного и того же слова. Количество их значительно. Они составляют подавляющее большинство всех видов соответствий.

Если первые два вида соответствий еще можно объяснить процессами заимствования, то последние два вида слов требуют специального этимологического анализа для своего сближения.

В процессе этимологического анализа тюркско-монгольских вообще и алтайско-монгольских лексических соответствий в частности оказывают большую помощь данные вышеназванной работы Н.А.Баскакова, хотя они и ограничиваются кругом тюркских языков. Такие процессы, как ослабление, спондантизация взрывных и их исчезновение во всех позициях, варьирование гласных по всем параметрам и их влияние на соседние согласные - вот неполный перечень процессов, которые лежат в основе формирования корней и корневых гнезд в тюркских и монгольских языках. Если же сюда добавить семантический и морфологичес-

кий факторы, отмеченные Н.А.Баскаковым, то можно с достаточной степенью вероятности объяснить многое в тюркско-монгольских языковых взаимоотношениях.

При анализе тюркско-монгольских лексических соответствий обнаруживаем, что древнемонгольское слово бари "держать, ловить, хватать, брать, иметь, содержать, строить, преподносить, вручать" соответствует древнетюркскому ал "брать, взять, приобретать, ловить, захватить, покорить" /ДТС, 32/. Если в тюркском слове явно просматривается главное значение "брать, ловить", вернее "сжимать", то в монгольском, кроме того, выделяются значения "иметь, содержать, строить, преподносить, вручать". Исходя из этого, можно предположить, что слово "бари" древнее, чем ал-. Действительно, факты древнетюркского языка свидетельствуют о том, что и в древнетюркском функционировал глагол "бары", имеющий значение "хватать, брать", например, каз. бар-мак "палец руки, т.е. хватающий", др.-тюрк. бара-к "собака, отличающаяся необычной стремительностью и ловкостью" /ДТС, 81/; др.-тюрк. бар-гу "добыча" /ДТС, 83/, др.-тюрк. бер-кит "укреплять, ловить". В монгольских языках также встречаются следы древнего глагола "бары"-, например, калм. бары-г "охотничья собака, предназначенная хватать добычу, бегущая обычно наперерез, тогда как гончие - шург гонят зверя по кругу /КРС, 81/, калм. бары- "поглощать" /КРС, 83/, п.-монг. бара-гун "правый". Ср. др.-тюрк. бер-дин "правая сторона, южная сторона" /ДТС, 95/; др.-тюрк. бери-йе "направо, на юг" /ДТС, 95/; др.-тюрк. бери-йеки "южный" /ДТС, 95/. В последних примерах переднерядная огласовка, видимо, свидетельствует о былой вариативности корня бари бери-. Отсюда становится понятным, почему в древнемонгольском бари- сохранились такие значения, как "преподносить, дарить". В древнетюркском последние значения закрепились за переднерядным вариантом, например, бер- "давать, вручать, выдавать замуж, платить" /ДТС, 95/; бер-гу "дар" /ДТС, 95/; беле-к "подарок, гостинец, который привозят домой из путешествия" /ДТС, 93/; бер-гу бер "платить дань" /ДТС, 95/. Ср. калм. беле-г бер "дарить, преподносить дар, гадать". Следовательно, можно констатировать, что

как в древнемонгольском, так и в древнетюркском функционировал глагол бары- "держать, брать, иметь, содержать, строить, преподносить, вручать". Затем передневокальный его вариант бери-/бер-/ закрепил в древнетюркском языке за собой значение "давать, вручать", а вариант бары-/бар-/ закрепил за собой значение "иметь/оя/, существовать, быть в наличии". В древнемонгольском бары-/бары-/ перешел в байи "быть, существовать, иметь/ся/ в наличии". В древнетюркском подобная форма, видимо, тоже функционировала, например, др.-тюрк. байа "недавно" /ДТС, 79/, др.-тюрк. байа-кы "вышеупомянутый" /ДТС, 79/. Однако в основном закрепились она в значении "богатый, богатство", например, бай "богатый" /ДТС, 79/. В древнемонгольском это значение выражалось, вероятно, формой байиган, стянувшейся до бай-ан "богатый, богатство", т.е. "имеющий в наличии". К древнемонгольской форме байан "богатый, богатство" можно отнести слово буйан "благо, добро, благодеяние" /ДТС, 120/, встречающееся как в древнемонгольском, так и в древнетюркском языке, потому что производящей данного слова можно считать лабиализованный вариант глыгсла бай-/буй-/ "быть, существовать", часто встречающийся в старокамынской письменности. О тесной связи глаголов бары- и байи- говорят такие слова в древнетюркском, как бай-бар /парь./ "богатый" /ДТС, 79/, бай-лык - бай-лук "богатство" /ДТС, 79/ и бар-лыг: 1/"существование", 2/"состоятельный" /ДТС, 84/, бары-м "скот, имущество" /ДТС, 84/.

Особую группу составляют слова, возникшие посредством перехода конечного р в д, т.е. бары- в байи-. Последняя форма послужила исходной для глагола ал-. На это указывают следующие факты: др.-тюрк. бал-бал "каменное изваяние, символизирующее человека, пленника" /ДТС, 80/. Его вариант бал-бан, вошедший в русский язык со значением "болван, каменная баба", служит основой для образования нового слова ал-бан "повинность" /ДТС, 84/, с одной стороны, и ал-п "меткий, герой, богатырь" /ДТС, 86/, ал-па-гу/д/ - ал-па-гут "герой, богатырь, неуязвимый храбрец, отборные воины в составе свиты, военная знать", где корень ал-, -па/н/ - аффикс причаст-

тия, -гут - аффикс множественного числа. Последние слова возникли, очевидно, не без влияния образа каменных богатырей, отрубей, слуг, пленников усопшего владыки. Так из слова балбан "взятый, пленник" /ДТС, 80/ - балбан /ДТС, 80/ образовались слова ад-п/ан/ "богатырь", ад-па-гут "героя, отборные воины" производящей основой которых является глагол бал- "братъ", развившийся затем в ад- "братъ".

Доблизившимся вариантом глагола бал- можно считать др.-тюрк. бул- "находить, отыскивать, получать, обретать" /ДТС, 121/. Его монгольским соответствием, несомненно, надо считать п.-монг. ол- "найти, находить, добывать" /Тодаева - Монгор., 354/, а п.-монг. були-йа-, баоньск. була-, калм. була- "отнимать, похищать" /Тодаева, Монгор., 320/ являются производными от той же основы др.-тюрк. бул-.

Основа бары-/бар-/ "иметь/ся/, быть в наличии", помимо развития в байи-, дала ответвление бол- "быть, случиться, быть в наличии" /ДТС, Ш/, который широко представлен во всех тюркских и монгольских языках. Процесс выпадения начальных взрывных коснулся и этой основы. Так, в монгольском языке, наряду с формой болы- функционирует основа болы- "быть, становиться" /Тодаева - Монгор., 354/.

Осталось проследить судьбу основы бары-/бары-/ со значением "создавать, творить, строить". В древнетюркском данное значение выражается сочетанием бар кыл "творить, создавать" /ДТС, 83/; барк I "здание, сооружение" /ДТС, 84/; балык II "город" /ДТС, 80/; балук "город" /ДТС, 81/. К основе бары- "сооружать, строить", видимо, надо отнести и русское барак "строение". Сюда же, вероятно, восходит монгольское балгасун "стена, ограда, город" /Тодаева - Монгор., 316/, байшин "дворец" /КРС, 90/ - русская башня, где бары-гсан балы-гсан байи-гсан байи-сан /бай-шин бээшц/ "дворец, город, башня".

От стержневой основы со значением "братъ, скимать" - бары-, по всей вероятности, образовались такие основы, как др.-тюрк. бас- "давить, сдавить, подавлять, нападать, овладевать" /ДТС, 85/ посредством перехода конечного -р в -с. В монгольских языках тоже имеются слова с этой основой, например, калм.

баз-ны- "мять, сжимать, массажировать" /КРС, 77/, монг. ба-
 за- "сжимать, сдавливать, стискивать, мять, выжимать" /МОТ,
 56/, монгор. баса "еще, опять, снова", кв.-письм.монг. ба-
 са, монг. босз, п.-монг. баса "то же" /Тодаева - Монгор.,
 317/; монгор. бос-го "дверной порог", п.-монг. босу-га "то
 же" /Тодаева - Монгор. 319/; монг. баса- "оскорблять, пре-
 небрегать" /МОТ, 66/, калм. басы- "пренебрегать" /КРС, 84/.
 Возможно, что от основы бас- образовался общемонгольский
 глагол бос- "вставать, подниматься, убежать, восстать". Ср.
 др.-тюрк. боша- "освобождаться, покидать" /ДТС, II3/.
 основа бар- "сдавливать, сжимать", видимо, сохранилась в калм. барI
 "полиграф./ печать" П "сила, мощь, сильный" /КРС, 81/ калм.
 барлы- "печатать, ксилографировать" /КРС, 83/; монг. баримал
 "скульптура, скульптурный, лепной" /МОТ, 64/, монг. барла-
 "полиграф./ печатать ксилографическим способом" /МОТ, 65/
 монг. барлаг "слуга, батрак, ваlet в картах" /МОТ, 65/.

От вышеуказанной стержневой основы бары- "сжимать, брать"
 и т.д., вероятно, был образован и глагол бурн- "окружать,
 кружить, вращать"; др.-тюрк. булга- "перемешивать, смешивать,
 мутить, досаждать, возбуждать" /ДТС, I22/; др.-тюрк. булгак
 "волнение, замешательство" /ДТС, I22/, монг. бургила- "бур-
 лить, бурно кипеть, бить ключом" /МОТ, 87/; монг. бура- "пе-
 ниться, взбиваться, болтать, пустословить" /МОТ, 87/, монг.
 буруу "неверный, ошибочный, недобрый; движение против часо-
 вой стрелки; правая сторона у верховных животных; вина, ошиб-
 ка" /МОТ, 88/, калм. буру "вина, ошибка, противоположный" /КРС,
 I21/, калм. бургу "бурав, сверло, бур" /КРС, I20/; монгор. бо-
 ро "серый", п.-монг. боро "серый", калм. боры "сивый, серый,
 смуглый, бурый", др.-тюрк. боз "серый, серая масть" /ДТС,
 II5/; др.-тюрк. бор /баар/ "вино" /ДТС, II2/; др.-тюрк. бор-
 лук "виноградник" /ДТС, II3/. В вышеприведенных примерах вы-
 деляются основы: бур- бул- бор- боз- "вращать, смешивать", во-
 сходящие к стержневой основе бары- "сжимать".

Древнетюркский глагол бар- "идти, отправляться, ходить,
 бродить, умирать" /ДТС, 83/ можно связать, с одной стороны, с
 формой бары- "поглощать", а с другой стороны с боры- бурн-

"кружить", который на монгольской почве дал глагол оро- "входить, заходить, заезжать, направляться, идти, вступать, поступать, входить в состав" /МОН,307/. Однако трудно сказать что-либо определенное о причинах возникновения столь широкой сети производных, которые сами затем производят целый ряд совершенно разных слов.

На основе всего вышеизложенного материала можно предположить, что лексические соответствия турецких и монгольских слов покоятся не на случайном совпадении, а отражают закономерную эволюционную цепь, осложненную многократными контактами этих языков и не всегда одинаковой реализацией потенциальных возможностей развития каждого из языков. И если мы говорим, что боро "серый" – это монгольская форма, а боз "серый" – это турецкая форма, то это еще не значит, что монгольское слово баса "еще, иной" /Тодбаева – Монгол.,317/ надо считать заимствованием из древнетурецкого. Поэтому, выявляя взаимные заимствования в турецких и монгольских языках, видимо, надо ориентироваться не только на широту распространения рассматриваемой формы в той или иной группе языков, но и на характер отношения данного слова ко всем звеньям эволюционной цепи предполагаемого источника. Например, в турецких языках слово ала-кан "ладонь" обычно относят к монголизмам, ¹⁰ тогда как оно является производной от общего турко-монгольского глагола ал- "брать".

С н о с к и

- 1 Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с.351
- 2 Баскаков Н.А. Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков. Сб. "Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с.316
- 3 Рассадин В.И. Монголо-бурятское заимствование в сибирских турецких языках. М., 1980, с.3-5
- 4 Лигети Л. Рецензия на книгу Санжеева Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. – "Вопросы языкознания", № 5, 1955

- 5 Викторова Л.Д. О расселении древних монгольских племен с III в. до н.э. по XII в. н.э. Уч.зап.ЛГУ, 1958, с.66
- 6 Гумялев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970
- 7 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929; Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962; Лувсанвадан Ш. О некоторых корнях и основах в монгольском языке. Улан-Батор, 1963 и др.
- 8 Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, с.180
- 9 Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973, с.318
- 10 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974; Рассадия В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, с.33

алт.	- алтайский язык /горно-алтайский/
баоаньск.	- баоаньский язык
др.-монг.	- древне-монгольский язык
др.-тюрк.	- древнетюркокий язык
каз.	- казахский язык
калм.	- калмыцкий язык
кв.-письм.монг.	- квадратно-письменный монгольский
КРС	- Калмыцко-русский словарь. М., 1977
монг.	- монгольский язык
МОТ	- Монгол орос толь. М., 1957
п.-монг.	- письменный монгольский /классический/ язык
Тодаева - Монгор.	- Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973
ЭСТЯ	- Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974